

Тынянова Лидия Николаевна

**Каховский: гравюры на
дереве С. Мочалова и М.
Орловой**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Л55

Л55   **Лидия Николаевна Т.**
Каховский: гравюры на дереве С. Мочалова и М. Орловой / Тынянова Лидия
Николаевна – М.: Книга по Требованию, 2022. – 92 с.

ISBN 978-5-519-78059-9

ISBN 978-5-519-78059-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

НА ГАУПТВАХТУ!

Великого князя Константина Павловича ждали с утра.

Измученные долгим ожиданием, изнемогая под тяжестью ранца и кивера, туго затянутые в скрещенные на груди ремни, стояли солдаты.

Была зима. От резкого ветра и снега слезились глаза, коченели руки. Маленький толстый капитан лейб-гвардии егерского полка ходил между рядами солдат, внимательно осматривая каждого из них, и под его взглядом солдат вздрагивал и замирал, почти не дыша. Капитан был известен в полку, как жестокий и грубый человек. На ученьях он из-за малейшей оплошности выходил из себя, бранился, ревел диким голосом, бросал шляпу на землю и топтал ее в бешенстве. Сегодня, ожидая смотра, он был особенно вспыльчив и жесток. Одного из солдат его батальона уже унесли в лазарет с разбитым лицом, в запачканном кровью мундире. Другому он плюнул в лицо за то, что при дыхании грудь его не достигала линии носков.

Щедро раздавая удары, он прошел вдоль своего батальона и вдруг остановился. Хилый солдат с

измученным лицом стоял на левом фланге. Он качался от слабости, глаза его были полузакрыты. Неподдалеку от него стоял высокий тонкий юнкер с бледным лицом и надменно выдвинутой нижней губой. Юнкер, казалось, не обращал ни малейшего внимания на приближавшегося начальника, он с жалостью смотрел на солдата.

— Надо помочь ему — сейчас упадет, — сказал юнкер чуть слышным шопотом своему соседу.

Он не успел договорить. Капитан с ругательством подбежал к хилому солдату. Нельзя было разобрать, что кричал он, брызгая слюной, бешено топая ногами. Зайдя позади солдата, он схватил его за плечи и уперся коленом в спину, стараясь выгнуть грудь. Широко открыв больные глаза, солдат тяжело дышал, крепко сжимая в руке приклад ружья. Он все качался, не то от слабости, не то от ветра.

Когда капитан увидел, что грудь солдата, несмотря на все усилия, далеко не достигает линии носков — он совсем рассвирепел. Пробормотав сквозь зубы грубое ругательство, он взял солдата одной рукой за ворот мундира и с силой замахнулся на него другой рукой.

Тогда юнкер вышел из строя и подбежал к капитану. Весь батальон в ужасе следил за ним.

Бледный, с горящими глазами, низко склонив голову, он схватил своего начальника за руку, поднятую для удара.

— Разве вы не видите, что он болен! Как вам не

стыдно? — проговорил он дрожащим от волнения голосом. Капитан отскочил от него, положив руку на эфес своей шашки. Он яростно двигал губами. От бешенства он не находил слов.

— На гауптвахту! — прокричал он, наконец, задыхаясь, — за нарушение дисциплины в строю, на гауптвахту! Прошу вас немедленно сдать оружие! Вы арестованы.

Юнкер молча расстегнул пояс и снял с пояса шашку. Он был спокоен.

Двое солдат, по приказанию капитана, стали по его правую и левую руку.

Этот юнкер, совершивший из жалости к солдату тяжелое военное преступление, был Петр Каховский.

ШКОЛА И АРМИЯ

Только год тому назад Каховский покинул школьную скамью. Он учился в Московском Университетском пансионе. Всегда задумчивый, погруженный в себя, он не обращал внимания ни на издевки товарищей, дразнивших его мечтателем, ни на выговоры учителя. А выговоры он получал часто. Вместо того, чтобы заниматься уроками, он сидел по целым дням с увлекательной книгой в руках, погруженный в чтение.

Товарищи подчас начинали дразнить его, плясали перед ним, дергали за курточку, бросали в него книгами, пачкали мелом — он только закрывался от них свободной рукой, не отрываясь от книги.

Он почти ни с кем не говорил и всегда был сосредоточен и серьезен. Но по временам и он начинал шалить без удержу и тогда никто лучше его не умел высмеять нелюбимого учителя или затеять опасную игру перед самым носом надзирателя. Больше всего он любил читать о героях древности. История Брута, решившегося ради блага родины и свободы убить Юлия Цезаря для того, чтобы восстановить республиканский строй древнего Рима, заставляла его забывать все на свете.

Он не знал, что через десять лет товарищи по оружию будут называть его новым Брутом.

Так он жил одиноким, заброшенным мальчиком, погруженным в книги.

Его родители мало заботились о нем. Они были бедные помещики Смоленской губернии. Еще мальчиком он приучался к мысли, что должен будет сам пробивать себе дорогу в жизни, что ему не на кого надеяться, не от кого ждать помощи.

По окончании пансиона он поступил юнкером в лейб-гвардии егерский полк. Здесь, в армии, он впервые столкнулся с произволом, с жестокостью, с рабством, против которого поклялся бороться еще мальчиком, читая книги о героях древности, жертвовавших своей свободой и жизнью для жизни и свободы своей страны.

Ему случилось однажды присутствовать на обеде у одного из офицеров своего полка, поручика Орлова. За обедом зашел разговор о выносливости русско-

го солдата. Кто-то из гостей привел в качестве примера выносливости русских войск — переход Суворова через Сен-Готард во время Италианской кампании.

— Да чего там Сен-Готард! — сказал Орлов, — вот у меня в роте есть солдат, который пятьсот палок выдержит и не упадет.

— Пятьсот ни за что не выдержит — возразил другой офицер, — готов пари держать, что после четырехсот палок будет лежать, как мертвый.

— Отлично, держу пари на пятьсот рублей, идет? — хладнокровно спросил Орлов.

Каховский хотел было обратить весь этот разговор в шутку, но его никто и слушать не хотел. Пари состоялось. Послали за солдатом.

— Малафеев, — сказал ему поручик, — пять рублей и штоф водки, — выдержишь пятьсот палок?

Солдат побледнел и вытянулся.

— Не могу знать, ваше благородие, — еле слышным шопотом произнес он.

— Снимай рубаху!

Каховский, стиснув зубы, вскочил со своего места и подбежал к Орлову.

— Послушай, — сказал он ему, почти не разжимая рта от гнева, — я считал тебя за человека благородного. Теперь я вижу, что ошибся.

Ни на кого не глядя, он быстро вышел из комнаты.

После этого случая он начал тяготиться службой в армии. Он неохотно исполнял свои обязанности и

не сходилcя ни с кем из товарищей. Давно признав за солдатами и крепостными право на свободу, он не мог мириться с жестокостью офицеров, обращавшихся с подневольными людьми хуже, чем плохой хозяин с негоднейшей из своих собак.

Вот почему на смотре зимой 1816 года Каховский решился на преступление против военного артикула. И он тяжело поплатился за свой проступок. После длительного заключения на гауптвахте ему был объявлен приговор. По повелению великого князя Константина Павловича юнкер Петр Каховский за вмешательство в распоряжения начальства был приговорен к разжалованию в солдаты.

Почти год Каховский был солдатом. Никто не знал, чего стоило ему не ответить на дерзкое замечание какого-нибудь прапорщика, который еще месяц тому назад был его равноправным товарищем. Никто и не подозревал, какими страшными усилиями воли он заставлял себя сдерживаться, когда при какой-нибудь пустой оплошности грубый фельдфебель толкал его прикладом в спину. Он только бледнел, да прикусывал слегка нижнюю губу. За этот год он научился ценить простых людей. Солдаты его жалели. Маршируя на ученьях, чистя амуницию, проводя бессонные ночи в карауле, он не переставал мечтать о вольности.

Но для того, чтобы с честью выйти в отставку, он должен был дослужиться до офицерского чина — и

не было во всем полку солдата более усердного и аккуратного, чем он.

И он добился своего. В 1819 году, быстро пройдя все промежуточные чины, он был произведен в поручики. В этом чине он и вышел в отставку. Он знал теперь, что такое русская армия. Армия — орудие деспотизма и угнетения. Но это орудие было обоюдоострым. Солдаты, превращенные в бессловесных послушных животных, составляли главную массу армии. Для того, чтобы обратить это орудие угнетения против угнетателей, нужно было прежде всего напомнить солдатам, что они не животные, а люди, — и тогда придет конец их призрачной покорности.

С СЕВЕРА НА ЮГ

Выйдя в отставку, Каховский поехал на Кавказ. С севера на юг он проехал всю Россию, стараясь вникать в положение различных классов. И повсюду он слышал ропот на правительство и правителей, им поставленных. Он встречал помещиков, проигрывавших своих крестьян по пяти человек против гончей собаки. Он встречал крепостных, умиравших с голоду и просявших милостыню по большим дорогам.

Проезжая по одному из отдаленных уездов, он заехал на постоялый двор. Изба была набита людьми, оборванными, голодными, босыми. Это крепостные шли работать за сто пятьдесят верст от своей деревни.

Помещик, которому они принадлежали, отдал их на зиму в работу на винокуренный завод. Он получил вперед все деньги, которые должны были заработать крестьяне, обрекая их семьи на голодную смерть или нищенство.

— До бога высоко, до царя далеко, — сказали крестьяне, когда Каховский, возмущенный этой жестокостью, стал убеждать их принести губернатору жалобу на их господина. — Наше дело простое: молчать, терпеть, да кланяться.

Молчать, терпеть, да кланяться! Чем дальше углублялся он во внутренние губернии российские, тем реже слышал он эту фразу. Во всех углах встречались лица недовольные, даже чиновники пожимали плечами, говоря о мероприятиях правительства. Люди с дарованиями жаловались, что им заграждают дорогу по службе, требуя лишь безмолвной покорности, молодежь жаловалась, что ей не дают учиться. Одни лишь судебные чиновники блаженствовали, взятками набивая карманы. Писаря заводили лошадей, повытчики¹ покупали имения. Прибыльные судебные должности продавались по таксе. Везде — в казне, в судах, в управлениях, везде, где замешан был денежный интерес, — кто мог, тот грабил; кто не смел, тот крал.

Долго так не могло продолжаться. Нужно было действовать. Но как, с кем, где? Он был одинок, у

---

¹ Судебные чиновники.